

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Т.И. ЗАСЛАВСКАЯ, В.А. ЯДОВ

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

1. Поля глобального пространства и «национальный стиль» модернизации России

Поля глобального пространства и правила взаимодействий «игроков». Россия интенсивно вовлечена в глобализационные процессы и в дальнейшем, по всей вероятности, будет все более испытывать на себе и плюсы, и минусы глобализации. К настоящему времени предложено множество теоретических концепций миросистемных процессов, обширна и научная литература по этой проблематике¹.

Заславская Татьяна Ивановна — доктор экономических наук, академик РАН, профессор, декан факультета — Московская школа социальных и экономических наук ГОУ ВПО АНХ при Правительстве РФ; сопредседатель АНО Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентр). **Адрес:** 117571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, корп. 2, МВШСЭН. **Телефон:** (495) 434–72–82. **Электронная почта:** tiz@msses.ru

Ядов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теории и историко-социологических исследований Института социологии РАН. **Адрес:** 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. **Телефон:** (499) 125–00–79.

Электронная почта: yadov@isras.ru

Статья подготовлена для «Социологического журнала» на основе доклада, зачитанного на открытии юбилейного III Всероссийского социологического конгресса, 21 октября 2008 г. Автор первого раздела — В.А. Ядов, автор второго раздела — Т.И. Заславская.

¹ В числе фундаментальных работ, с одной стороны — раскрывающие концепцию капиталистической миросистемы, в которой доминируют «страны ядра» (*Wallerstein I. The modern World-System. Vol. 1. Capitalist agriculture and the origin of the European World-Economy* [35]) глобальной «империи» капитала («Империя» *М. Хардта и А. Негри* [23]), а с другой, — теории «глобально-локальных» мировых процессов *Р. Робертсона* (См. «Global Modernities» [30]) и многообразия культур («Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире», под ред. *П. Бергера и С. Ханнингтона* [11]). В ряду обзорно-аналитических работ отечественных авторов назову лишь две: книгу *В.С. Малахова* «Государство в условиях глобализации» [9] и статью *Н.Е. Покровского* «Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество» [14].

В последние годы аналитики глобализационных изменений все более склоняются к тому, что происходит фрагментация миросистемы и вместе с тем возникают новые взаимосвязи и взаимодействия. Совсем недавно Витторио Котеста заметил, что имеют место «не только взаимосвязи между ансамблем целого и его элементами, но и между дискретными элементами того и другого, создающие *транс-национальные, транс-культурные, транс-религиозные* и прочие связи» [28]. Будем рассуждать так:

- Глобальную систему можно рассматривать как неустойчивое образование экономического, политического и культурного полей.

- Нормативные правила, регулирующие взаимодействия национально-государственных и транснациональных субъектов на этих полях отличаются не только содержанием, но и степенью принудительности: в экономическом поле — наиболее высокой, в политическом — ситуативно гибкой, в сфере культуры — минимальной.

- Взаимодействия между тремя полями различны. Политико-экономические объединения стран образуют узлы взаимосвязей, которые потенциально и реально фрагментируют миросистему, а транснациональные корпорации (финансовые и энергетические в первую очередь) успешно конкурируют в навязывании своих правил с международными институциями — ООН и созданными при ней специализированными структурами.

- То, что называют глобальной культурой, остается предельно гло-локальным: ядро цивилизационных и национальных культур несравнимо более устойчиво к внешним воздействиям, нежели их периферия (заимствования языковых практик и стереотипов «попкультуры»).

Следующая схема суммирует сказанное:

Поля глобального пространства, агенты и правила взаимодействий между ними

	Экономическое	Политическое	Поле культуры
Агенты	Государство, финансовые и промышленные корпорации	ООН и ее институты, правительства государств, общественные движения	Традиции, инноваторы и массы
Нормы-правила	Жесткие правила мирового рынка	Противоборство за установление правил более ресурсного агента	Унификация поп-культуры, сохранение ядра национальных культур

Возникает необходимость уточнить смысл понятия «модернизация»². Классики XIX века стремились теоретически осмыслить

² Ш. Айзенштадт имел все основания для употребления понятия модернизации во множественном числе, см.: [29].

цивилизационный переход от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*, нынче же мы находимся в состоянии перехода к *Globalshaft*. И смысл категории «модернизация» должен быть иным. Более адекватным представляется следующее определение, предложенное И. Роксборо [33], с дополнением Т.И. Заславской: *модернизация — это возрастание способностей к социальным преобразованиям... с целью повышения конкурентоспособности в миросистеме*³.

Общий вектор развития человеческой цивилизации в тенденции можно определить как расширение степеней свободы человеческой деятельности в пределах ограничений, заданных состоянием среды обитания. Реальный же вектор — это результирующая действий многих агентов подобно сложению физических сил, приложенных к одной точке: «параллелограмм сил» исторического процесса, по метафоре Энгельса.

Государства и другие игроки на мировой арене преследуют свои интересы, в итоге же глобальный мир изменяется не так, как этого хотелось бы той или иной, даже самой мощной державе.

Рассуждая дальше, сошлюсь на предложенную Томом Барнсом и Еленой Флэм теорию систем правил [27], в которой авторы выделяют *систему* правил (их содержание), *режимы* правил (как они поддерживаются санкциями) и *грамматику* правил — их усвоение, вплоть до игнорирования.

Национальный стиль модернизации в миросистеме. Следующий шаг в развитие предлагаемой концепции — аналогия с индивидуальным стилем деятельности при выполнении некоторой заданной обстоятельствами задачи. Каждый индивид выполняет заданное «социальной схемой» в своем индивидуальном стиле, так как люди различаются и типом нервной системы, и темпераментом⁴.

Почему бы не рассматривать национальные особенности модернизации как «*национальный стиль*» модернизации в миросистеме? Национальный стиль характеризуется особенностями режимов и грамматик жестко или не жестко навязываемых миросистемой правил. Главная особенность российского национального стиля модернизаций состоит в том, что все они, начиная с петровских реформ и до нашего времени инициировались и осуществлялись верховной властью сверху, не снизу, как правило, насильственно и всегда авторитарно. Другая общеизвестная особенность — низкая правовая культура, небрежение законными правилами и наличие множества лазеек для уклонения

³ Ниже Татьяна Ивановна обосновывает свое уточнение термина.

⁴ Концепция «индивидуального стиля деятельности» была предложена В.С. Мерлиным [10].

от их исполнения (в первую очередь — коррумпированность государственных служащих)⁵.

Успешность очередного исторического модернизационного рывка зависит от сложения сил социальных субъектов, представленных во властных и гражданских структурах.

Возвращаясь к нашей главной проблеме о воздействии глобальных процессов на социальные изменения в России, можно резюмировать:

- В «поле» российской национальной экономики влияние глобальных транснациональных систем правил будет усиливаться по мере ее дальнейшей интеграции в мировой рынок. Режимы правил, то есть «номенклатура» санкций, не могут не отличаться национальной спецификой, а грамматики правил (их освоение, понимание, мотивационный импульс) на непредсказуемое историческое будущее останутся сугубо российскими.

- Политические институты в не столь отдаленном будущем, скорее всего, станут изоморфными некоей идеальной западной по ее генезису модели в соответствии с общим вектором развития человеческой цивилизации. Процесс их преобразования связан со сменой поколений политически активной части граждан, о чем пишут многие отечественные авторы⁶.

- В культуре и менталитете сограждан исторически близкого будущего можно ожидать множественность эффектов разного рода, связанных с многонациональным составом населения и неизбежным приток мигрантов.

- Это, с учетом изменений институциональной среды в сторону развития гражданских структур, будет стимулировать мультикультурное устройство нашего общества (в смысле прощания с нынешним всплеском ксенофобии) и возникновение наряду с бытующими новыми культурных «кентавризмов».

- На социальные процессы будут влиять новые технологии и возрастающие природные риски.

Нынешний финансово-экономический кризис обострил несовершенства регулирования миросистемных процессов, Россия стремится утвердиться в роли ведущей глобальной державы. Человеческая цивилизация может обрести совершенно иной облик.

⁵ Опираясь на данные массовых мониторинговых опросов, В. Сафронов заключает, что «демократизация затронула лишь поверхностный слой российской политической культуры — за словами одобрения демократической системы все еще скрываются глубоко укорененные антидемократические диспозиции» [16].

⁶ См., например, книгу «Отцы и дети: поколенческий анализ современной России», вышедшую под редакцией Ю. Левады и Т. Шанина [13].

2. Социетальное пространство трансформационных процессов

Необходимые пояснения к методологии изучения нашего предмета. Прежде всего надо уточнить главный вектор трансформационных процессов. В принципе, я согласна с определением их сущности, предложенным И. Роксборо, как возрастания способности обществ к социальным преобразованиям. Но все же предпочла бы определить главное направление модернизации как повышение конкурентоспособности обществ в глобализирующемся и непредвиденно изменяющемся мире. Конкурентоспособность фундаментально зависит от способности обществ к адекватному ответу на неожиданные вызовы самого разного типа — природные, политические, экономические, социальные и др. Поэтому я считаю, что следует акцентировать *целевую установку* модернизации, а не инструментальную, как предлагает Роксборо.

Стремление к повышению своей конкурентоспособности в равной мере характеризует развитие как постепенно модернизирующихся обществ, так и обществ, переживающих глубокую трансформацию, системное изменение базовых характеристик, в конечном счете, ведущее к *изменению их социальной природы*. Надежная научно обоснованная оценка уровня и динамики конкурентоспособности таких обществ призвана служить своего рода компасом, показывающим, насколько успешно они развиваются. Однако единой и общепризнанной методологии такой оценки пока что нет.

Исследованию трансформации посткоммунистических обществ посвящена громадная литература. Изучаются социальные перемены, происходящие на уровне общества в целом, его подсистем, разных групп населения, организаций. Анализируются сдвиги в экономической, политической, правовой, культурной, духовной и других сферах общественной жизни. В итоге собирается гигантский эмпирический материал, характеризующий, происходящие в обществе изменения, формирующий базу для важных обобщений. Однако разрозненность социальных исследований, отсутствие какого-то общего замысла, методологический и методический разнобой препятствуют синтезу получаемых знаний. Анализ частных тенденций не поднимается до стадии синтеза, а обобщающие теоретические концепции и далеко идущие выводы подчас не имеют под собою серьезной аналитической базы, несут умозрительный характер.

В связи с этим возникает потребность в таких методологических средствах изучения, которые позволяли бы объединять результаты конкретного анализа самых различных трансформационных процессов в *целостную картину системных сдвигов* в организации и функционировании общества. В этой связи возникает вопрос: какие *характеристики*, признаки, показатели определяют *природу* современных обществ и какие социальные механизмы лежат в основе изменения этих характеристик?

Социетальное пространство трансформационных процессов российского общества. Проведенные исследования и изучение научной литературы привели меня к выводу о том, что относительно независимыми и в то же время системно связанными друг с другом макро-характеристиками конкретных обществ можно считать: уровень их человеческого потенциала, качество социально-групповой структуры и эффективность институциональной системы⁷. Значимость каждой из этих характеристик для обеспечения конкурентоспособности современных обществ, видимо, не вызывает сомнения. Но важно подчеркнуть, что они воздействуют на этот целевой показатель не по отдельности, а системно. Самый высокий уровень одной или даже двух названных характеристик не обеспечит конкурентоспособности общества, у которого третья характеристика существенно снижена. По-настоящему успешная динамика достигается лишь в случае *одновременного* продвижения общества *во всех трех направлениях*.

Сказанное позволяет выдвинуть гипотезу о том, что современные трансформационные процессы протекают в *трехмерном социетальном пространстве*, осями которого служат: 1) *уровень человеческого потенциала* обществ как макросубъектов и макроакторов саморазвития и трансформации; 2) *легитимность и динамизм социально-групповой структуры*, позволяющие обществам успешно реализовать свой человеческий потенциал; 3) *эффективность институциональных систем*, проявляющаяся в способности политических, правовых, экономических, социальных и иных институтов направлять энергию индивидов, организаций и групп в творческое социально конструктивное русло.

Для повышения конкурентоспособности, устойчивости и динамизма современных обществ представляется важной *обобщенная* оценка продвижения по всем трем названным осям, которое отражает *итоги* трансформации намного полнее, чем продвижение по любой отдельно взятой оси. Соответственно сравнение положения разных обществ в трехмерном социетальном пространстве позволяет более обоснованно оценивать их динамизм, жизнеспособность и конкурентоспособность. Исследования показывают, что перемещение по разным осям этого пространства, хотя и взаимосвязано, но относительно самостоятельно. Оно осуществляется с разной скоростью, а иногда и в разных направлениях, причем неодинаково поддается регулированию. Применительно к большим периодам времени изменение трех социетальных характеристик, как правило, носит сходный характер, то есть они либо растут (хотя и разными темпами), либо остаются

⁷ Развернутое обоснование этой точки зрения — в книге Т.И. Заславской «Современное российское общество. Социальный механизм трансформации», Гл. 5. «Пространство посткоммунистических трансформаций», с. 96–111 [5].

стабильными, либо снижаются. Но на коротких дистанциях они меняются относительно независимо друг от друга и часто демонстрируют разные, вплоть до противоположности, тенденции.

Идея социетального трансформационного пространства отражает и связывает воедино такие, казалось бы, разные составляющие трансформационных процессов, как *целенаправленное* преобразование и регулирование базовых *институтов*, *полустихийное* изменение *социально-групповой структуры* общества и *слабо управляемые* изменения *человеческого потенциала*. Причем чем сильнее та или иная характеристика влияет на конкурентоспособность обществ, тем труднее она поддается управлению (таков, например, уровень человеческого потенциала). И напротив, чем более характеристика «рукотворна», управляема (например, формальные институты), тем слабее ее влияние на способность общества к самосовершенствованию.

Требованию взаимосвязанного изучения всех составляющих трансформационных процессов пока отвечают довольно редкие исследования, однако движение в эту сторону наблюдается. Появляются проекты, в рамках которых взаимосвязанно изучаются сдвиги в институциональной системе и социальной структуре, в качестве социальной структуры и уровне развития человеческого потенциала. Реже институциональные изменения связываются с динамикой человеческого потенциала. И совсем уже редко встречаются примеры комплексного, системного изучения всех компонентов трансформационных процессов⁸. Это в первую очередь связано с недостаточной разработанностью методологии стратегических междисциплинарных исследований. Немалым препятствием служит и сложность организации крупных исследовательских проектов, требующих концентрации значительных научных сил и финансовых средств. Тем не менее ряды сторонников такого подхода к изучению трансформационных процессов постепенно расширяются, и более того, возникают научные коллективы, в центре внимания которых находятся взаимосвязи всех трех компонентов трансформационных процессов⁹. Важное значение

⁸ По этому принципу построены, например, такие монографии, как: «Социетальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы» (отв. ред. *Т.И. Заславская* и *З.И. Калугина*) [21], «Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы» (отв. ред. *Т.И. Заславская* и *З.И. Калугина*) [15], *М.А. Шабановой* «Социология свободы: трансформирующееся общество» [24], «Социальное неравенство и публичная политика» (отв. ред. *В.А. Медведев*) [19], и др.

⁹ В частности, одним из принципов работы созданного в начале 2000-х гг. Независимого института социальной политики (НИСП) является взаимосвязанное исследование социальной структуры, человеческого потенциала и институциональной системы и разработка на этой основе рекомендаций по совершенствованию социально-экономической политики органов власти разных уровней государства. См., например: «Обзор

таких комплексных исследований видится, помимо прочего, в том, что они создают и стимулы, и благоприятную почву для дальнейшего развития и углубления такого актуального направления современного социального анализа, как изучение *социальных механизмов* трансформационных процессов [26, 31, 34].

Категория социальный механизм трансформационного процесса. Под *социальным механизмом* трансформационного процесса имеется в виду *устойчивая* система взаимодействий социальных акторов разных типов и уровней, способствующая фундаментальному изменению общественного устройства. Функционирование социальных механизмов регулируется, с одной стороны, соответствующими общественными институтами (формальными и неформальными правилами игры), а с другой, — социальным статусом и культурными особенностями акторов: органов управления, организаций, групп, индивидов (интересами и возможностями игроков).

Идея механизмов социальных процессов базируется на предположении о том, что совокупность определяющих эти процессы явлений, факторов и зависимостей образует некий целостный феномен, исследование устройства которого позволяет глубже разобраться в изучаемых закономерностях¹⁰. Перспективность категории *социальный механизм* подтверждается тем, что она используется широким кругом обществоведов, причем в последние годы стала одним из базовых элементов методологии ряда социологических школ¹¹. Анализ практики употребления этой категории разными авторами позволяет выделить основные черты обозначаемого ею феномена.

Основная особенность социальных механизмов состоит в их способности регулировать общественные процессы. Последняя объясняется

социальной политики в России. Начало 2000-х» (под ред. Т.М. Малевой) [12], «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии» (под ред. Т.М. Малевой) [22], «Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность» (рук. авт. колл. Л.Н. Овчарова) [1], «Социальная дифференциация высшего образования» (отв. ред. С.В. Шишкин) [18] и др.

¹⁰ Более подробно актуальность изучения механизмов социальных процессов аргументирована в статье Т.И. Заславской «Социальный механизм трансформации российского общества» [3].

¹¹ В качестве примера назовем следующие работы: Заславская Т.И. «Изучение механизмов социальных процессов (1981–1985)» [2]; Заславская Т.И., Рывкина Р.В. «Социология экономической жизни. Очерки теории» [4]; «Социальный механизм экономической реформы: методология и опыт экономико-социологического исследования» (под ред. Р.В. Рывкиной) [20]; Косалс Л.Я. «Социальный механизм инновационных процессов» [8]; Заславская Т.И., Шабанова М.А. «Трансформационный процесс в России и институционализация неправовых практик» [6]; Соколова Г.Н. «Экономическая социология: Учебник для вузов» [17]; Якуба Е.А. «Социология. Учебное пособие для вузов» [25].

особой значимостью, силой и устойчивостью тех социальных связей, которые обуславливают их системность. Поскольку в механизмах социальных процессов сосуществуют элементы, принадлежащие прошлому и настоящему, они отличаются высокой инерционностью и их обновление всегда является лишь частичным. Кроме того, в них сосуществуют феномены, как сознательно создаваемые для достижения определенных целей, так и развивающиеся естественно-историческим путем. Первые конституируются в процессе социальных преобразований, вторые же возникают спонтанно в ходе общественной эволюции и меняются под влиянием внутренних трансформаций [7].

Аналитическая схема социального механизма трансформации посткоммунистических обществ. Представленная ниже аналитическая схема (см. рис.) раскрывает строение и принципы функционирования социального механизма трансформационного процесса. Она показывает, каким образом действия социальных акторов микроуровня меняют макроструктуру общества и как изменение этой макроструктуры оказывает обратное воздействие на жизнь и деятельность этих акторов (индивидов, семейных и иных малых групп).

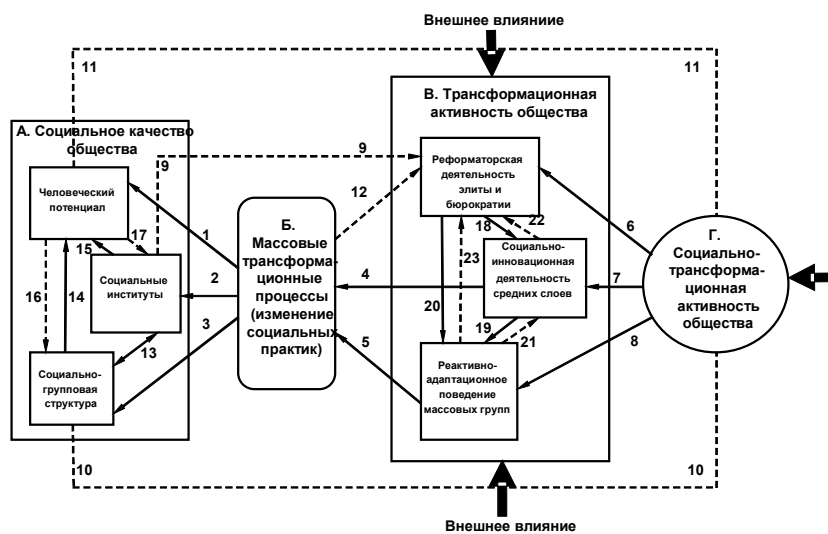

Рис. Социальный механизм трансформационного процесса (аналитическая схема)

Кратко рассмотрим содержание четырех отраженных на схеме блоков: А, Б, В и Г.

Блок А отражает важнейшие *характеристики* трансформирующихся обществ как целостных систем. Рассматриваемый в статике, он дает целостное описание состояния конкретного общества в определенный момент времени, а анализируемый в динамике, показывает

происходящие в обществе сдвиги. Это позволяет назвать данный блок *социетальным*, или *результативным*.

Блок Б отражает массовые трансформационные процессы, изменяющие базовые *социальные практики*, через которые реализуются общественные институты. Примерами могут служить процессы: становления рынка труда, развития рыночной инфраструктуры, формирования фермерства, превращения бывших директоров предприятий из наемных менеджеров в собственников, распространения и институционализации коррупции и др. В изучаемом механизме этот блок занимает особое место, поскольку на входе в него находятся действия *акторов* разных уровней, а на выходе — *макрохарактеристики* общества. Выражаясь высоким стилем, можно сказать, что он «скрывает в себе тайну» преобразования индивидуальных и групповых социальных действий в макропроцессы, причем сам по себе выглядит «черным ящиком», содержание которого неизвестно. Выяснить его суть — значит, понять конкретный механизм «переработки» индивидуальных и коллективных социальных действий в макропроцессы. В этом смысле данный блок можно назвать *переходным*.

Блок В показывает, *каким образом* изменяются социальные практики общества. Его содержанием служат взаимосвязанные виды трансформационной активности социальных акторов. Понятие *трансформационная активность* охватывает всю совокупность таких действий социальных акторов разного уровня и разного типа (индивидов, организаций и групп), которые либо непосредственно вызывают, либо косвенно влекут за собой значимые сдвиги в базовых социальных практиках. Этот блок, составляющий «сердце» изучаемого механизма, можно назвать *деятельностным*, или *собственно механизмом*.

Наконец, *блок Г* отражает *структуру* (состав, отношения, взаимосвязи) *макросубъектов* трансформационных процессов. Он отвечает на вопрос о том, *какие культурно-политические силы*, в конечном счете, «несут ответственность» за изменение социетального типа общества. Этот блок естественно назвать *субъектным*.

Связи между блоками механизма. Функционирование изучаемого механизма обеспечивается прямыми и обратными связями, во-первых, между его крупными блоками, во-вторых, между элементами каждого блока. Остановимся на связях первого типа.

Прямые связи направлены от субъектного — к деятельностному и результативному блокам схемы. Связи 1, 2 и 3 (Б → А) отражают тот факт, что в основе изменения социетальных характеристик общества лежит своего рода «клубок» переплетающихся процессов изменения массовых социальных практик. Эти процессы одновременно влияют на преобразование общественных институтов, изменение социальной структуры и динамику человеческого потенциала.

Связи 4 и 5 (В → Б) показывают, что главным и *непосредственным фактором* изменения повседневных социальных практик, в конечном счете, ведущего к трансформации общества, служит активность не столько элиты и верхнего слоя, сколько среднего, базового и нижнего слоев, составляющих основную часть общества.

Наконец, связи 6, 7 и 8 (Г → В) отражают влияние трансформационной структуры общества на содержание, направления и конкретные способы инновационной активности граждан. Содержание этих связей очевидно: каково социальное качество субъектов трансформационной активности, какими ресурсами они располагают, каковы их интересы и возможности — таковы, при прочих равных условиях, избираемые ими способы деятельности и поведения.

Обратные связи (от результативного к деятельностному и субъектному блокам) придают изучаемому социальному механизму относительную замкнутость, отражающую его воспроизводственный характер. Число таких связей не велико, но они достаточно значимы. Связь 9 (А → В) отражает сдерживающее влияние действующих базовых институтов на преобразовательную и управленческую деятельность правящего слоя. Это влияние реализуется, главным образом, через правовую регламентацию деятельности соответствующих государственных органов, четкое определение их прав, полномочий, обязанностей и ответственности, а также через государственный и общественный контроль за соблюдением этих условий. В демократическом обществе даже лица, занимающие высшие государственные посты, лишены возможности ставить эксперименты на обществе, делая всё, что им придет в голову. Предохранение общества от недостаточно компетентных, а иногда и взбалмошных реформаторов — одна из важных функций институциональной системы. Когда же эта система «разболтана», как в настоящее время в России, даже самые сильные ограничения (вплоть до конституционных) в ряде случаев совершенно не действуют.

Связи 10 и 11 (А → Г) фиксируют обратную зависимость трансформационной структуры от социальной структуры и человеческого потенциала общества. Первая отражает тот факт, что общественные классы, слои и группы имеют не только разные интересы, но и принципиально разную возможность влиять на ход трансформационного процесса. Не случайно реформаторской деятельностью занимается в основном правящий политический класс, практическими социальными новациями — преимущественно средние слои общества, в то время как базовый и нижний слои реализуют свои интересы, главным образом, через выбор стратегий реактивно-адаптационного поведения. Не менее очевидна и зависимость трансформационной структуры от человеческого потенциала общества, то есть от образованности, квалификации, дееспособности, менталитета и других социальных качеств граждан.

Связь 12 отражает обратное влияние массовых трансформационных процессов на реформаторскую деятельность властных структур в плане их информирования о ходе исполнения решений, достигнутых результатах, необходимости коррекции принимаемых мер и исправления ошибок¹².

Рассмотренная концепция социального механизма посткоммунистических преобразований описывает закономерности преимущественно эволюционного развития. Она не пригодна для анализа революций, но достаточно полно отражает особенности трансформационных процессов, протекающих в большинстве постсоветских и восточноевропейских обществ. Использование рассматриваемой категории позволяет ставить вопрос о *типологии* и *социальном качестве механизмов*, регулирующих процессы трансформации, перехода или реформ, протекающие в разных обществах.

Подытоживая сказанное, можно отметить, что категория социальный механизм трансформационных процессов может выполнять ряд важных методологических функций. Ее использование:

- обеспечивает *целостное видение* одного из главных исторических процессов современности, приковывая внимание к *социальному качеству* лежащего в его основе механизма;
- позволяет выявить «белые пятна» и нестыковки в *изучении* трансформационных процессов, сформулировать новые задачи, способствующие углублению научных знаний в данной области;
- дает возможность более наглядно представить сложившееся в этой области разделение труда, стимулирует междисциплинарные исследования трансформационных процессов;
- помогает придать более системный и целенаправленный характер международным сравнениям трансформационных процессов.

Закончилась ли трансформация российского общества? Официальная точка зрения — социетальная трансформация российского общества завершена. Я же полагаю, хотя либерально-демократическое *реформирование* институциональной системы России приостановлено, социетальную трансформацию общества еще рано считать завершенной. Дело в том, что общественная потребность в дальнейшей либерализации и демократизации базовых институтов российского общества сегодня не менее остра, чем в конце 1980-х годов, и спонтанное возникновение и развитие новых социальных практик продолжается.

Во-первых, главная стратегическая цель реформ — обеспечение социально-экономической конкурентоспособности России с передовыми странами Запада — не достигнута. В стране пока еще далеко не

¹² Подробнее см. книгу Т.И. Заславской «Современное российское общество. Социальный механизм трансформации» [5, С. 205–210].

сложились ни эффективная система современных общественных институтов, ни социально-групповая структура, обеспечивающая ее функционирование. Человеческий же потенциал российского общества по сравнению с дореформенным уровнем скорее снизился. Таким образом, объективная потребность в дальнейшем развитии трансформационных процессов сохраняется.

Во-вторых, результаты реформ и связанного с ними перераспределения общественного богатства оцениваются массовыми слоями общества как нелегитимные.

Наконец, в-третьих, прекращение целенаправленных реформ «сверху» само по себе не означает прекращения трансформационных процессов. Просто они принимают иную форму — например, распространения новых социальных практик «снизу».

С учетом сказанного говорить о завершении трансформации российского общества пока нет оснований. Этот процесс временно приостановлен, потому что как «верхи», так и «низы» общества устали от реформ и жаждут передышки. Однако, судя по последним событиям (экономический кризис, конфликты с Грузией, Украиной, вынужденное сокращение государственного бюджета в связи с резким снижением цен на нефть), стабилизация вряд ли продлится долго.

Заключение

Итак, мы можем рассматривать социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений *в двух социальных пространствах*: глобальном и социетальном. В каждом из них изменения не происходят «сами собой», их осуществляют социальные субъекты разного типа, от рядовых граждан до правительственных и международных структур. Вместе с тем мы находим, что история человеческой цивилизации убеждает в определенной направленности социальных трансформаций, а именно: в сторону расширения степеней свободы человеческой деятельности в пределах ограничений, заданных состоянием среды обитания. История же нашей страны, как и других народов и государств, в последние десятилетия, свидетельствует о том, что все страны вынуждены наращивать свой национальный ресурс путем повышения способностей к социальным преобразованиям с тем, чтобы обеспечивать свои национальные интересы, свою конкурентоспособность в мировой экономике и достойно противостоять угрозам природных сил, а также техногенным и социогенным угрозам.

Российское общество пока далеко не достигло того уровня зрелости, динамизма, конкурентоспособности, который гарантировал бы ему надежное и достойное будущее в быстро изменяющемся мире. Реформирование институциональной системы России еще далеко не закончено. Тот факт, что либерально-демократические реформы прекращены, отнюдь не свидетельствует об их успешном завершении.

Но последовавшее за ними огосударствление важнейших отраслей промышленности вряд ли содействует росту ее гибкости, динамичности, способности отвечать на внешние и внутренние вызовы. Дальнейшее углубление финансового кризиса, возможно, спровоцирует новый виток институциональных реформ, призванных поднять конкурентоспособность национальной социально-экономической системы. Вопрос в том, какими будут эти реформы, какие задачи они будут решать?

Сложившаяся к настоящему времени социально-групповая структура российского общества характеризуется вопиющим разрывом между зажиточными и бедствующими слоями граждан. Она не легитимна в глазах населения и не обеспечивает ни эффективной реализации, ни достаточно быстрого роста человеческого потенциала страны. Между тем положение стран в современном мире во многом определяется именно этой важнейшей характеристикой. Повышение человеческого потенциала и его эффективное использование как было, так и остается главным модернизационным шансом России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / Рук. авт. колл. Л.Н. Овчарова. М.: Из. дом ГУ–ВШЭ, 2005.
2. Заславская Т.И. Изучение механизмов социальных процессов (1981–1985) // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, «Наука», 1999. С. 71–89.
3. Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 152–170 [или: Социологический журнал. 1995. № 3. С. 5–21].
4. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск, Наука, 1991. С. 76–83.
5. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
6. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Трансформационный процесс в России и институционализация неправовых практик // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ–ВШЭ, 2004. С. 208–261.
7. Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Роль социальных механизмов в ускорении социально-экономического развития как регуляторы социальных процессов // Известия СО АН СССР. Сер. экон. и прикл. социол. 1986. Вып. 3. № 12.
8. Косалс Л.Я. Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск: Наука, 1989.
9. Малахов В.С. Государство в условиях глобализации: Учебное пособие. М.: Книжный дом «Университет», 2007.
10. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
11. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера и С. Ханнингтона; Пер. с англ. под ред. В.В. Сапова. М.: Аспект-Пресс, 2004.
12. Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / Под ред. Т.М. Малевой. М.: НИСП, 2007.

13. Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады и Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
14. *Покровский Н.Е.* Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ» / Под ред. В. Ядова. М.: Феникс, 2005. С. 504–257.
15. Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003.
16. *Сафронов В.* Политическая культура Санкт-Петербурга: поддержка демократии элитой и массовой публикой // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». 2008. № 6. С. 16–29 [сайт журнала <http://www.teleskop-journal.spb.ru>].
17. *Соколова Г.Н.* Экономическая социология: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Белорусская наука, 2000. С. 53–57.
18. Социальная дифференциация высшего образования / Отв. ред. С.В. Шишкин. М: НИСП, 2005.
19. Социальное неравенство и публичная политика / Отв. ред. В.А. Медведев. М.: Культурная революция, 2007.
20. Социальный механизм экономической реформы: методология и опыт экономико-социологического исследования / Под ред. Р.В. Рывкиной. Новосибирск: ИЭиОПП, 1990.
21. Социетальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 1999.
22. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф, 2003.
23. *Хардт М., Негри А.* Империя / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской. М.: Праксис, 2004.
24. *Шабанова М.А.* Социология свободы: Трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000.
25. *Якуба Е.А.* Социология. Учебное пособие для вузов. Харьков: Изд-во «Константа», 1996.
26. *Bunge M.* How does it work? The search for explanatory mechanisms // Philosophy of the Social Sciences. 2004. Vol. 34. No. 2. P. 182–210.
27. *Burns T., Flam H.* The shaping of social organization. Beverly Hills: Sage, 1987.
28. *Cotesta V.* From national-state to global society: The changing of contemporary sociology // International Review of Sociology. Vol. 18. No 1. March, 2008. P. 26.
29. *Eisenstadt S.* The contemporary scene — multiple modernities // The Annals of the International Institute of Sociology / Ed. by E. Scheuch, D. Sciulli. Leiden: BRILL, 2000. Vol. 7.
30. Global Modernities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London: Sage, 1995.
31. *Mayntz R.* Mechanisms in the analysis of social macro-phenomena // Philosophy of the Social Sciences. 2004. Vol. 34. No. 2. P. 237–259.
32. *Ritzer G.* The McDonalds thesis. London: Sage, 1998.
33. *Roxborough I.* Modernization theory revisited // Comparative Studies in Society and History. 1988. Vol. 30. No. 4. P. 753–761.
34. *Steel D.* Social mechanisms and causal inference // Philosophy of the Social Sciences. 2004. Vol. 34. No. 1. P. 55–78.
35. *Wallerstein I.* The modern World-System. Vol. 1. Capitalist agriculture and the origin of the European World-Economy. New York, 1974.